

37

заседание СНО

Софья Анчукова

«Там одни чистые страницы»:
полемика с «The King in Yellow» Р. У. Чэмберса
в творчестве Г. К. Честертона

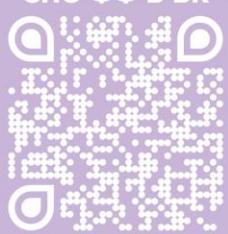
Анна Медведько

«Киевские ведьмы» О. М. Сомова
в интертекстуальном поле
русской литературы золотого века

Мария Гаврилюк

Разговорный текст в оперном либретто
как пространство для интерпретации:
четыре современных либретто
к зингшпилю «Вольный стрелок»

СНО ФФ В ВК

ауд. уточняется

март, 17:40

24

«Там одни чистые страницы»: Полемика с «The King in Yellow» Р. У. Чэмберса в творчестве Г. К. Честертона

Софья Дмитриевна Анчукова

(1 курс магистратуры; Литература и культура народов зарубежных стран)

Несмотря на то, что Р. У. Чэмберс и Г. К. Честертон являются современниками, вопрос о их влиянии друг на друга крайне мало исследован. В пользу знакомства Честертона с творчеством Чэмберса говорит то, что авторы в одно и то же время сотрудничали с «The Saturday Evening Post».

В докладе представлены возможные интертекстуальные связи между работами авторов.

Самый влиятельный текст Чэмберса — сборник новелл «The King in Yellow», популяризовавший в готической литературе образ объекта, содержащего в себе смертельно опасное знание сверхъестественного характера. Отличительный признак стиля автора — размытые, недосказанные описания ужасного.

Из детективов Честертона, где герои сталкиваются с мнимыми потусторонними силами, «подобные» объекты и подобные описания выявлены в двух: «The Purple Wig» и «The Blast of the Book». В finale обоих выясняется: объект не имеет каких бы то ни было особенностей, что иронически объясняет недосказанности в речи персонажей, убеждавших других в обратном.

В новелле «The Repairer of Reputations» и рассказе «The Purple Wig» отрицательные герои со схожими элементами биографии оба — люди с желтыми лицами, прячущие под аксессуаром неестественного цвета реальную или мнимую проблему с ушами. У Чэмберса образ строится на положениях теорий Ч. Ломброзо и М. С. Нордау. Неоднократно критиковавший подобные псевдонауки Честертон наделяет своего персонажа «благородными» чертами лица и манерами, в т. ч. из-за которых того принимают за настоящего аристократа, и демонстрирует, что внешность не говорит многое о характере.

Мотив католической веры в «The King in Yellow» в настоящее время мало изучен, однако первичный анализ показывает по этому вопросу пессимизм Чэмберса, которому противостоит оптимизм Честертона.

Таким образом, было выявлено, что Честертон полемизирует как с основной идеей «The King in Yellow», так и с рядом второстепенных, используя сходные образы.

«Киевские ведьмы» О. М. Сомова в интертекстуальном поле русской литературы золотого века

Анна Дмитриевна Медведько

(4 курс бакалавриата; *Отечественная филология*)

Рассказ начинается с исторического вступления, описывающего время и место действия. Это Украина 1630-х годов, главный герой — участник Тарасовой ночи. Описание этого события в «Киевских ведьмах» обнаруживает текстуальные совпадения с двумя историческими источниками: «Историей Русов или Малой России», приписываемой Г. Книсскому, и «Историей Малой России» Бантыш-Каменского. На первый из них Сомов ссылается в комментарии к другому своему произведению, стихотворению «Лист од украинца до ляхив», вышедшему на два года раньше «Киевских ведьм» (1833), в 1831 году, по случаю подавления польского восстания. Хотя впервые «История Русов...» была опубликована уже после смерти Сомова, с 1820-х она была широко распространена в списках, точно известно, что с ней были знакомы Пушкин и Гоголь. «История Малой России» тоже опирается на «Историю Русов...», этот трактат трижды переиздавался только до выхода рассказа Сомова и был одним из самых популярных источников по истории Украины в первой трети XIX века. Описания Тарасовой ночи в двух текстах очень близки, однако особенность лексического значения одного выражения, встречающегося в них и в рассказе, позволяет предположить, что Сомов пользовался именно «Историей Малой России» при написании «Киевских ведьм». Некоторая стилистическая инородность вступления действует как средство привязки фантастической повести на распространённый в фольклоре сюжет попадания постороннего на шабаш к историческому дискурсу. Такое построение характерно для Вальтера Скотта, чью позицию в споре с Гофманом о природе фантастики поддерживал Сомов, однако для русской романтической повести это достаточно уникально, хотя встречается в поэмах.

Событийную канву повести — историю о попадании человека, повторившего обряд, на шабаш — можно рассматривать не только в контексте распространённого в народной демонологии нарратива о ведьмах, но и в ряду более широкой группы сюжетов «Хитрая наука» (СУС 325), к которой Сомов уже обращался в рассказе «Оборотень». Также можно усмотреть мотивные переклички с другим известным текстом этого типа: «Учитником чародея» Гёте.

Изображение нечистой силы в рассказе представляется необычным: нам не удалось найти в русской фантастической повести золотого века другого примера исповеди демонического существа. Чаще всего они окружены ореолом загадочности и пугают именно неизвестностью или непознаваемостью, что особенно ярко проявляется в популярном в конце 1820-х вампирском тексте.

«Киевские ведьмы» послужили претекстом для баллады Пушкина «Гусар». Заменив фольклорного повествователя на бывалого гусара, Пушкин переместил этот сюжет в круг текстом-небылиц, рассказываемых военными, чем сделал его более традиционным. Также влияние текста Сомова можно видеть в рассказе В. И. Даля «Ведьма».

Разговорный текст в оперном либретто как пространство для интерпретации: четыре современных либретто к зингшпилю «Вольный стрелок»

Мария Александровна Гаврилюк

(2 курс магистратуры; Язык и коммуникация (на немецком языке)

Оперное либретто в традиционном понимании — текст, предназначенный для наложения на музыку и пения на сцене. Поскольку текст либретто тесно связан с музыкой, а опера является видом искусства, объединяющим музыку, текст и сценическое действие, то в постановках классических опер не принято изменять исходный текст. Однако существует жанр, для которого типично смешение в одном произведении текста для пения и разговорных диалогов — зингшпиль (нем. *Singspiel*), немецкая комическая опера.

Именно разговорные диалоги в современных постановках зингшпилей часто отличаются от оригинального либретто, тогда как текст для пения взят из оригинала. Несмотря на интерес исследователей к немецкой опере в общем, эта особенность зингшпилей и их современных постановок редко оказывается в центре внимания. Доклад посвящен анализу изменений разговорного текста оригинального либретто оперы «Вольный стрелок» К. М. фон Вебера и четырех ее интерпретаций; для анализа были выбраны тексты постановок 2007 года (Зальцбургский фестиваль), 2021 года (Театр Фрайбурга), 2022 года (Нидерландская национальная опера), 2024 года (Брегенцский фестиваль).

Целью доклада является попытка выделить основные причины, по которым авторы интерпретаций могут менять прозаический текст. Результаты сравнительного анализа пяти текстов показали, что к таким причинам могут относиться: полное изменение композиции и сюжета произведения, придание нового смысла действию, сокращение прозаического текста и значительное упрощение стиля для современной аудитории; с помощью добавления или изменения текста меняется роль персонажа (в постановке 2022 года персонаж-дьявол становится посредником между зрителем и сценическим действием, при этом он говорит по-английски). Интересно, что тексты музыкальных номеров зачастую остаются неизменными — если и вносятся изменения, то незначительные и связанные с сюжетом.